

самое главное — такая недалёковидная политика неизбежно приведет к изоляции малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири и дальнего Востока и ускорит угасание их языков и культуры.

Что бы сказали бывшие руководители ФНКС: М. Г. Воскобойников, З. Н. Куприянова, Ю. А. Сэм — о деятельности современных «реформаторов», пренебрегающих славными традициями своих Учителей?

О. С. Ильина,
аспирантка кафедры русского языка

СТУДЕНТ И ПРОФЕССОР В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XIX—XX ВВ.

Полная открытий и свершений студенческая жизнь с ее радостями, сложностями, заботами и волнениями всегда привлекала внимание русских писателей. «Юность» Л. Н. Толстого, «Студенты» Н. Гарина-Михайловского, «Факультет чудаков» Г. Гора, «Студенты» Ю. Трифонова, «Дело, которому ты служишь» Ю. Германа, «Коллеги» В. Аксенова, «Дети Арбата» (книга первая) А. Рыбакова, «Общага-на-Крови» А. Иванова, «Люди в голом» А. Аствацатурова — это далеко не полный список художественных произведений XIX—начала XXI в., лейтмотивом которых является жизнь студенчества.

Существование студента невозможно без другого важнейшего субъекта пространства высшего образования — профессора (преподавателя). Связь этих субъектов является органичной, устойчивой, неразрывной. Меняющиеся представления о студенте и профессоре зависят от социокультурных изменений, которые претерпевало общество на протяжении различных исторических периодов. Менялись цели образования, а с ними — его организация, содержание, методы, функции и пр. Это обуславливает многогранность содержательных характеристик, представлений, ассоциаций, культурных стереотипов, которые связываются в русском языке и в языковом сознании со словами *студент* и *профессор*.

Герой повести Л. Н. Толстого «Юность» (1857) Николай Иртенев представляет образ студента середины XIX в. Как отмечает Л. Д. Опульская, в своей трилогии Л. Н. Толстой писал «портрет ровесника,

принадлежавшего к тому поколению русских людей, чья молодость пришлась на середину века. Война 1812 г. и декабризм были для них недавним прошлым, Крымская война — ближайшим будущим; в настоящем же они не находили ничего прочного, ничего, на что можно было бы опереться с уверенностью и надеждой» (Опульская 1984: 6). В тексте воссоздается внешний облик студента той поры. Характерными атрибутами были *мундир из дорогого сукна с золотыми пуговицами и обшлагами, треугольная шляпа, собственные дрожки*. Не случайно друзья Николая Иртенева, знакомые, к которым он ездил с визитами, сравнивали его с *полковником и дипломатом*. Неоднократно в повести говорится о том, что студенческий мундир обязывает к определенному поведению: «В то время я считал своею обязанностью, *вследствие уже одного того, что носил студенческий мундир*, с людьми мало мне знакомыми на каждый даже самый простой вопрос *отвечать непременно очень умно и оригинально* и считал величайшим стыдом короткие и ясные ответы, как: да, нет, скучно, весело и тому подобное» (Толстой 1984: 285).

К числу достоинств студентов Иртенев относил также такие качественные характеристики, как *благородный, страстный, comme il faut (благовоспитанный)*. Понятие *comme il faut* фокусирует в себе наиболее важные характеристики принятой в аристократической среде модели поведения (этикетное умение вести себя в соответствии с требованиями света), отношения к жизни. Признаки *comme il faut* раскрываются

в рассуждениях главного героя: «отличный французский язык», «уменье кланяться, танцевать и разговаривать», «длинные, отчищенные и чистые» ногти, убранство комнаты, почерк, экипаж, «отношение сапог к панталонам» и др.

В повести Л. Н. Толстого четко обозначена социальная и материальная дифференциация студентов. Студенты делятся на *аристократов* и *разночинцев*. Их отличие заключается во внешнем виде, поведении и манере говорить. Внешними отличительными признаками разночинцев являются «обгрызенные ногти», «грязные ситцевые рубашки» («отталкивающая внешность»), отсутствие дрожек. Рассуждая о речевых особенностях разночинцев, главный герой с презрением замечает: «<...> они употребляли слова: *глупец* вместо дурак, *словно* вместо точно, *великолепно* вместо прекрасно, *движучи* и т. п., что мне казалось книжно и отвратительно непорядочно. Но еще более возбуждали во мне эту комильфотную ненависть интонации, которые они делали на некоторые русские и в особенности иностранные слова: они говорили *машина* вместо *машина*, *деятельность* вместо *деятельность*, *нарочно* вместо *нарочно*, в *каминe* вместо в *камине*, *Шекспир* вместо *Шекспир*, и т. д., и т. д.» (Там же: 359).

Студенты также разделялись на *своекоштных* и *казеннокоштных*, подобно тому, как сегодня выделяют *платников* и *бюджетников* (Хан-Пира 1998).

В круг чтения студентов, изображенных Л. Н. Толстым, входили книги по древней истории (Гораций, Цицерон), французские романы (Сю, Дюма, Поль де Кока), что было абсолютно типично для XIX в. В то же время студенты-разночинцы «презирали равно Дюма, Сю и Феваля».

В университете (на математическом факультете) студентам преподавали *историю*, *математику*, *латинский язык*, *закон божий*. Линия «студент — профессор» раскрывается, главным образом, в начале повести, когда Иртеньев сдает вступительные экзамены. Во взаимоотношениях этих субъектов

образовательного пространства существует определенная дистанция. Форма обращения к профессору принципиально отличается от современной — «*Господин профессор*» (что свидетельствует об особом уважении к преподавателям). Разные портреты русской профессуры оживают на страницах повести: *профессора по истории*, *латинский профессор*, *профессор математики*. В представлении Николая Иртеньева профессор *важный*, *страшный* («вызывающий чувство страха»), *с умным выражением* (лица), *с задумчивой физиономией*, *старый* (или *молодой*), *в очках* (*старичок в очках*), *со звездой на фраке*, *в синем фраке*, *маленький*, *худой*. Латинский профессор сравнивается со «зверем, наслаждавшимся гибелью молодых людей».

Н. Гарин-Михайловский в повести «Студенты» (1895) дает широкую картину жизни, быта и настроений дореволюционного русского студенчества. *Полунищий*, *полуголодный*, *бедный*, *нуждающийся*, оказавшийся на обочине жизни, вечно ищущий место гувернера или репетитора, вынужденно закладывающий свои вещи, — таким предстает перед нами типичный студент конца XIX в.

С точки зрения интеллектуальных способностей сами студенты оценивали себя так: «Мы, *люди несистематического образования*, мы в *сущности нищие*, подбирающие какие-то случайно, нечаянно попадающиеся нам под ноги крохи; мы, наконец, даже без опыта жизни, когда при том девяносто девять из ста, что и этот опыт окончательно пройдет *бесцельно*...» (Гарин-Михайловский 1977: 97). Профессор по энциклопедии права считает студентов «неподготовленными, неразвитыми, изолгавшимися и изовравшимися» и с сожалением констатирует: «*Так понижается уровень развития* <...>, что еще немного — и придется или оставить чтение лекций, или читать по особым учебникам...» (Там же: 121). Причина такой низкой оценки способностей слушателей заключается, видимо, в том, что наука для студентов, изображенных Н. Гариным-Михайловским, — это «какой-то непонятный намек, доступный двум-трем аристократам мысли» (Гарин-Михайловский

1977: 92). В то же время авторитет профессора среди слушателей высших учебных заведений был непререкаем. Профессор в глазах студентов — это *источник света, источник знания, мировой авторитет, европейская знаменитость, молодая звезда (немилостивая к плохо понимавшим студентам)*.

Студенчеству, как правило, приписывается роль особого социального слоя, с легкостью загорающегося новыми идеями. Герои Н. Гарина-Михайловского участвуют в реакционном движении и организуют кружок. Участие в такого рода кружках — занятие небезопасное. Не случайно Аглаида Васильевна, мать Темы, напутствовала сына: «Помни, Тема, что *единственная опасность*, которая грозит тебе, — это *если ты увлечешься в Петербурге и попадешь в те кружки, откуда выход на эшафот, в каторгу...*» (Там же: 7). Многие политические общества в дореволюционное время возникли именно в университетской среде.

Написанная в 1931 г. повесть «Факультет чудаков» Г. Гора интересна попыткой раскрыть внутренний мир студента послереволюционной эпохи. Хотя текст создан в 30-е гг., он демонстрирует существенную перестройку в сфере образования, которой были отмечены первые послереволюционные годы, и перекидывает мостик к более поздним произведениям, описывающим советское студенчество.

В студенческой жизни особую значимость приобретает идеологическая составляющая. Так, в повести представлено строгое разделение студентов на «два лагеря»: *пролетарские, партийные студенты, комсомольцы и беспартийные студенты*, «от которых за версту несет старым режимом», *монархисты* (ср. в «Юности» Л. Н. Толстого: *аристократы — разночинцы*). Приведем показательный в этом отношении фрагмент: «Актный зал походил на Государственную Думу; высокий потолок подпирали белые полированные колонны, широкий проход разделял два ряда кресел, на правой стороне сидели *студенты, блестящие медными пуговицами*; на левой — *студенты, внешним*

видом своим не отличавшиеся от прочих граждан республики» (Гор 2004: 25). Здесь явно обнаруживается классовое противостояние «двух лагерей», определяющее и жизнь студенчества в первые годы советской власти. С опорой на текст можно воссоздать внешний облик студентов. Характерными атрибутами беспартийных студентов были *студенческий мундир с медными желтыми орлистыми пуговицами и синяя форменная фуражка* (здесь явная ориентация на реалии старого быта).

Отмеченное противостояние выражается также в тех характеристиках, которые дают друг другу сторонники этих «лагерей». Так, Крапивин, будучи «столбовым дворянином», называет пролетарских студентов «сбродом», «шпаной». На стенах уборной он оставил надпись явно контрреволюционного содержания: «Что есть современное студенчество? <...> Современное студенчество есть кал, плавающий на поверхности науки» (слово *кал* он заменил на более неприличное) (Гор 2004: 39). Студент, напомиавший Керенского, утверждал на очередном собрании: «Беспартийному студенчеству нет времени для так называемой общественной работы. Мы пришли изучать науки» (Там же: 25). Если комсомольцы занимались преимущественно общественной работой, то беспартийные студенты были заинтересованы главным образом в академической работе.

Повесть Г. Гора отразила такие характерные для описываемого времени *чистки* среди студентов. Беспартийных, неуспешных, лиц, отказавшихся от общественной работы, а также тех, чьи родственники были дворянами или активными контрреволюционерами, исключали из университета, выгоняли из общежития. Лузин, *комиссар университета*, так объяснял свою позицию *вычищенным* студентам: «Аудитории университета предназначены для пролетарского студенчества. Для вас же, если вы не желаете работать с нами, предназначена Западная Европа» (Там же: 26).

О жизни студентов многое говорят объявления на воротах университета (авторскую

иронию особенно ярко выявляет последнее предложение): «“Все в смычку”, “Все в Мопр”, “Студентам Арапову и Никитину получить ордера на кожаные подошвы”. “Студентам Великанову и Незабудкину — заплатить членский взнос в кассу взаимопомощи”. Студенты Кисель и Кисельман уведомились, что они исключены из университета. <...> Студент Пахомов искал себе компаньона по комнате. Студентка Задова искала себе компаньонку по комнате. Студент Пашковский находился в затруднительном положении: нашедших просил вернуть свой портфель. Студент Петров посылался на курорт. Студент Левоневский приглашался на бюро ячейки — получить выговор за непосещение собраний. <...> Студенту Геннадию Гору предлагалось зайти к доктору — за очками» (Гор 2004: 56—57).

К числу неперемных достоинств студента послереволюционного времени относились *общественная совесть, заинтересованность в общественной работе, участие в работе комсомольской организации, партийная этика, политическая грамотность*. Вот что говорит о своем выборе студент Лузин ректору университета (еще один штрих, демонстрирующий новую иерархию отношений в послереволюционном вузе: студент Лузин и ректор университета — старые приятели, обращаются друг к другу на «ты»): «Передо мной открылся прекрасный мир: книги. Разумеется, я читал и раньше. И помню. Но главным образом беллетристику, политическую литературу. Но никогда я не думал, что книги, что наука, такая наука, как биология... Ты улыбаешься... Сентиментальный секретарь, думаешь ты, восторженный, как первокурсник. Ты меня извини. По всей вероятности тебе это знакомо. Наука открылась для меня удивительная, как революция» (Там же: 61).

Созданная в послевоенные годы (1950) повесть Ю. Трифонова «Студенты» представляет предельно идеологизированный образ советского студента. Автор вовлекает читателя в систему социально одобряемой деятельности студентов. Студенты педаго-

гического института — люди читающие, мыслящие. Они посещают занятия, коллективно готовятся к сессии, сдают зачеты и экзамены, успешно проходят практику в школе, принимают активное участие в студенческом научном обществе (НСО), что требует усидчивости, трудолюбия, начитанности. Симптоматично увлечение героев произведениями советских писателей — *Федина, Исаковского, Новикова-Прибоя*.

Студентам свойственен энтузиазм в общественной работе. Все они комсомольцы. Студенческая жизнь в духе послевоенного времени была связана с заводской: институт решил взять шефство над заводом, и студенты организовали литературный кружок для заводской молодежи. Устраниться от общественной работы значило посрамить свой комсомольский облик. *Оторванность от коллектива, моральная нечистоплотность, карьеризм, эгоизм, своекорыстие, верхоглядность, высокомерие, рассеянность* — вот те качества, которые могли очернить образ советского студента.

Ю. Трифонов представляет идеальный путь положительного героя: сначала приобщение к рабочему классу, потом фронт и только потом — вуз. Студенты, показанные Ю. Трифоновым, — молодые люди, уже имеющие за плечами опыт работы, пережившие войну. Не случайно в институте молодежь условно и негласно делилась на две части: *фронтовики и зеленая молодежь, вчерашние десятиклассники*.

Главный конфликт повести — травля институтским коллективом «*профессорско-космополита*» Бориса Матвеевича Козельского, автора книги о Достоевском, требовательного преподавателя, отличавшегося «колоссальной памятью и многознанием», наделенного рядом клишированных черт отрицательного персонажа. В системе отношений «студент — профессор» происходит принципиальная перестройка. Становится возможной открытая критика профессуры, стиля и манеры ведения занятий преподавателями (что было немыслимо в XIX в.). На комсомольском собрании Козельскому

предъявлялись обвинения в формализме, низкопоклонстве, его лекции признавались безыдейными и даже немарксистскими. Приведем фрагмент выступления студента: «Никто ничего худого не скажет о Кречетове, о нашем лингвисте, о других профессорах, а о Козельском говорим! Да, убого, по мертвой схеме читает он лекции. Из года в год повторяет одни и те же слова, вот уж двадцать, наверное, лет подряд. <...> Слова эти не выходят из замкнутого круга рассуждений о форме и биографических комментариев. А те, кто занимается в НСО, знают, что Козельский и в обществе не может интересно поставить работу. Избегает острых проблем, споров, а советская литература у него и вовсе в загоне: это, дескать, не научный материал, не дает, мол, “фактических знаний”. Да ведь все это... ну конечно, это же формализм чистой воды! Да, да, мы обвиняем Козельского в формализме! Я предлагаю поставить перед деканатом вопрос о методе преподавания профессора Козельского. И мы докажем свою точку зрения на ученом совете, с конспектами его лекций в руках» (Трифонов 1985). Как отмечает критик Н. Б. Иванова, подобные обвинения, предъявленные идеологически неправоверному Козельскому, типичны для того времени (Иванова 1984).

В романе «Дело, которому ты служишь» (1957), открывающем популярную в советское время трилогию Ю. Германа, и повести В. Аксенова «Коллеги» (1960) представлены яркие истории студентов-медиков, желающих полностью посвятить себя избранной профессии. Определяющей в этих произведениях оказывается связь студента с конкретной сферой профессиональной деятельности. Студент — это прежде всего будущий специалист, профессионал.

Владимир Устименко, главный герой романа «Дело, которому ты служишь», — образец советского медика. Несмотря на то, что в студенческие годы он не отличался стопроцентной академической успеваемостью, манкировал общественными мероприятиями, его отличали необыкновенное

упорство и тяга к знаниям. Внешний облик студента Устименко «далек от стандартной фигуры белозубого парня в белых штанах и с теннисной ракеткой в руке — фигуры, заполнившей экраны и страницы немало числа книг» (Мессер 1963: 206). Устименко ходил в «старом, потертом пальтишке», потрепанной шапке. Даже «первый настоящий костюм — пиджак и брюки студенческие» ему перешли из отцовского обмундирования.

Помимо студентов, в романе «Дело, которому ты служишь» представлены не менее яркие образы профессоров: патологоанатом Ганичев, хирург Постников, терапевт Полуниин, хирург Богословский, а также профессор Жовтяк. В тексте не только дано детальное описание внешности преподавателей, их деятельности, но и показаны отношения между студентами и преподавателями, которые колеблются от резкого неприятия и вражды до тесной дружбы. Главный герой с юношеской непримиримостью и категоричностью делил профессоров и преподавателей на «*талантливых*» и «*бездарных*». К числу последних он относил Жовтяка: «Студентов, особенно тех, про которых говорили, что они способные, Жовтяк ласкал. Ласкал и Женьку Степанова — редактора институтской газеты. Ласкал и сурового Пыча-Старика — на всякий случай, его тревожило, когда он чувствовал неодобрение, пускай даже молчаливое. Но больше всех он ласкал Володю, и потому, что о Володе говорили как об очень способном студенте, и еще потому, что Володя на него смотрел *невыносимо неприязненно*. Но как ни ласкал Геннадий Тарасович Устименку, тот быстро раскусил *велеречивого профессора* и *невзлюбил его так же бурно и пылко, как полюбил строгого и невеселого Постникова*» (Герман 1987: 117).

Профессор в глазах студента мог вызывать *восхищение* («...Какое было *наслаждение* следить за ходом мысли Полунина, когда медленно и осторожно, словно слепой, постукивая своей палкой, шел он от вопроса к вопросу, в то же время прощупывая

селезенку и печень больного, разглядывая рентгенограммы, результаты лабораторных исследований, обращаясь к оружию из арсеналов патологии, анатомии, физиологии...»; «аудитория слушала <Полунина> *заворожено*»), *уважение и страх* («В институте он <Ганичев> пользовался *всеобщим уважением, немножко связанным со страхом*»), а также *неприязнь, боязнь и ненависть*. Во взаимоотношениях «студент — профессор» был важен не только сугубо образовательный момент, но и воспитательный, нравственный. Профессора не только преподавали студентам конкретные науки, они учили их думать, подвергать простые истины учебников сомнениям, не впадая в крайности.

Интересно, что к числу устойчивых текстовых связей слова *профессор* в романе Ю. Германа относятся лексемы и словосочетания *серьезный, невеселый, старый (старик), лысый, с бородой/с усами, с подстриженной бородой* (ср. в «Факультете чудак» Г. Гора: *лысый (профессорская лысина), в очках, профессорские пенсне, пожилой, старый (старик, старичок), седой, седенький, с черной бородкой, с усами*). Таким образом, можно говорить о том, что в русском языковом сознании сформировался стереотип, стандартизированный и упрощенный образ *профессора*. Этот образ культивировался в советских фильмах и книгах.

В романе А. Рыбакова «Дети Арбата» (первая книга трилогии, в которую также входят романы «Страх» и «Прах и пепел»), написанном в 1966—1983 гг. и опубликованном в 1987 г., запечатлена другая характерная черта советского времени и студенческой жизни в частности — участие молодых людей в субботниках и демонстрациях. Субботники рассматривались как одно из средств коммунистического воспитания молодых людей. Участие в субботниках и демонстрациях было мерилом общественной активности человека. К немногочисленным уклонившимся могли применяться меры общественного порицания или даже административного воздействия.

Молодые парни и девушки (в том числе студенты), изображенные А. Рыбаковым, —

это люди, чья юность проходила в атмосфере культа личности Сталина. Типичная тематика их разговоров — военная и политическая обстановка в стране, строительство новых заводов, мировая революция и т. п. Одним из главных сюжетных событий романа является исключение Саши Панкратова из *института* и *комсомола* (ср. *чистки* у Г. Гора). Благодаря стараниям преподавателей, отличающихся особой политической бдительностью, и членов партийного бюро, Панкратову были предъявлены следующие обвинения («клубок» обвинений): «*вылазка против марксизма в науке об учете*» («*открыто проповедует аполитичность науки*»), «*оношение ударничества*», соглашательство с преподавателем-«*оппозиционером*» Криворучко. Со стороны актива партийного бюро обвинения формулировались иначе: «*политическая диверсия, антипартийное выступление, злопыхательство*». Конечным итогом разбирательств по делу Панкратова явился арест и последующая ссылка героя.

Отметим, что во всех произведениях советского периода устойчиво выделяются «положительные» качества студентов (*заинтересованность в общественной работе (общественник, активист), политическая зрелость / политическая грамотность, исполнительность, ответственность, трудолюбие, дисциплина*), заданные и пропагандируемые самой эпохой, и «отрицательные» качества, осуждаемые в советское время (*оторванность от коллектива, аполитичность, антипартийность, моральная нечистоплотность, карьеризм, эгоизм*).

В совершенно ином свете представлено студенчество в произведениях современных писателей. В «Общаге-на-Крови» (1992) А. Иванова студенты изображаются как люди, с одной стороны, бесправные, безденежные, бесприютные, с другой стороны, циничные, нахальные, развращенные, пьющие и гулящие, не отличающиеся умственными способностями. В перспективе текста угасает, теряет свою актуальность и яркость семантический признак «*учащийся*» («*тот, кто учится*») в значении слова *студент*.

Главная роль в характеристике деятельности студентов отводится глаголам *квасить*, *бухать*, *пить* (в значении «употреблять спиртные напитки, быть приверженным к ним»), *пьянствовать*, *глушить* (водку), *хлестать* (винище), *дерябнуть* («выпить чего-нибудь спиртного»), *курить*, *спать*, *опохмеляться* (пивом), *домогаться*, *переспать* (в значении «вступить в интимные отношения»), *таскаться* (по бабам, по мужикам), *шляться*, *изменять* («нарушать верность кому-нибудь»), *буйнить*, *разбираться*, *ругаться*, *драться*, *материться* и др. По словам одного из героев романа, самая главная проблема в их жизни — «где купить пива?» С середины романа, после выселения главных героев из общежития, к этим «вечным» проблемам добавляется вопрос: «где переночевать?»

Об учебе, институте, преподавателях в тексте всегда говорится как бы случайно, вскользь. Из всех персонажей только первокурсники Отличник (свое прозвище он получил за то, что учился на одни пятерки) и Серафима думают о том, что они поступали в институт не для того, чтобы пить по черному, блудить, драться, ругаться с комендантом, а для того, чтобы получать высшее образование.

Особого внимания заслуживает язык, на котором говорят студенты. В их речи своеобразно преломляется процесс жаргонизации, характерный для современной языковой ситуации. Речь студентов характеризуется использованием сниженной, нецензурной лексики, активизацией жаргонного и грубопросторечного пластов нелитературного языка. Приведем в качестве конкретного примера слова Ваньки Симакова (обращается к Отличнику): «— *Сматываемся, харя*, — общил он. — Гапон *по общаге рыскает*, Нельку у Беловых *выцетил*... *Наедет* еще на этих *мудаков* — *вони не оберешься*. — Ванька бегал по комнате, собирая какие-то свои мелочи. — Пошли, *харя*, к тебе с Фимочкой. Отсидимся, пока *шухер не уляжется*. Ты не против?» (Иванов 2008: 142). Эта лексика студентов мало чем отличается от лексики асоциальных элементов.

Примечательно, что студенты в произведениях конца XX — начала XXI в. устойчиво демонстрируют бедность лексикона и примитивный круг чтения. В романе профессионального филолога и популярного сегодня молодого писателя А. Аствацатурова «Люди в голом» (2009), отличающемся ироническим взглядом на университетскую жизнь, есть очень выразительный в этом плане эпизод:

Я как-то стал свидетелем беседы моего учителя, известного филолога Захара Исаакиевича Плавскина, с одной девушкой, которая явилась к нему на экзамен в открытом платье: с голой спиной и глубоким вырезом спереди. Ну, чтоб произвести впечатление и сделать пожилого профессора более внимательным к ее внешности и менее сосредоточенным на экзаменационном вопросе. <...> Девушке, как сейчас помню, достался «Отелло».

— «Отелло» читали?

— Читала...

— Как-то неуверенно вы это говорите. А скажите, кто Отелло был по национальности?

— Как это «кто»? — поразила студентка. — Известно кто. Англичанин!

Плавский тяжело вздохнул и укоризненно произнес:

— Девушка! Вы ведь не читали. Скажите честно.

— Почему? Я это... читала там все.

— Читали, говорите, а сами даже названия не помните!

— Название — «Отелло», — пожала плечами девушка.

— «Отелло, мавр венецианский!» — с некоторым напором сказал Плавский <...>.

— Ох, извините, — кокетливо улыбнулась девушка. — Поторопилась. Отелло — итальянец. Конечно же, итальянец. Раз из Венеции (Аствацатуров 2009: 57—58).

Таким образом, обращение к художественным произведениям разных эпох, описывающим студенчество, дает богатый материал для осмысления того, какие динамические процессы переживают типичные образы студента и профессора в общественном сознании.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Аксенов В. П. Коллеги // Аксенов В. П. Апельсины из Марокко. М., 2006.
2. Аствацатуров А. Люди в голом. М., 2009.
3. Гарин-Михайловский Н. Г. Студенты // Гарин-Михайловский Н. Г. Студенты. Инженеры. М., 1977. С. 31—72.
4. Герман Ю. П. Дело, которому ты служишь: Роман. Л., 1987.
5. Гор Г. С. Факультет чудаков // Факультет чудаков: Сборник. СПб., 2004
6. Иванов А. Общага-на-Крови: Роман. СПб., 2008.
7. Иванова Н. Б. Проза Юрия Трифонова. М., 1984.
8. Мессер Р. Герои ведущие и ведомые // Звезда. 1963. № 4.
9. Опульская Л. Д. Творческий путь Л. Н. Толстого // Толстой Л. Н. Собрание сочинений. В 12 т. Т. 1. М., 1984.
10. Рыбаков А. Н. Дети Арбата. Кн. 1. СПб., 2004.
11. Толстой Л. Н. Юность // Толстой Л. Н. Собрание сочинений. В 12 т. Т. 1. М., 1984.
12. Трифонов Ю. В. Студенты // Трифонов Ю. В. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. М., 1985.
13. Хан Пира Эр. Как их называть? // Русская речь. 1998. № 5.

В. Д. Черняк,
заведующая кафедрой русского языка

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ДИНАМИКОЙ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ШЕСТИКЛАСНИКА

Проблема динамики языковой личности относится к числу неизменно злободневных, привлекающих внимание и педагогов, и методистов, и лингвистов. Безусловно, в первую очередь специалистов интересуют те изменения, которые связаны с конкретной языковой личностью или с группой лиц и отражают аспекты их интеллектуального и культурного роста. Однако не менее интересны и те характерные изменения, которые наблюдаются на определенном, более или менее значительном временном отрезке.

К небольшому эксперименту (слово *эксперимент* употребляю здесь в обыденном его понимании) меня подтолкнула находка в домашнем архиве: 34 сочинения шестиклассников 138-й ленинградской школы, написанных в октябре 1968 г. Проходя педагогическую практику в школе, я дала шестиклассникам задание написать небольшое сочинение по мотивам двух маленьких рассказов Виктора Драгунского — «Что я люблю... И чего не люблю!» Эти миниатюры отличает тонкое проникновение в детскую психологию, прекрасное воплощение детского мировидения, ценностной шкалы ребенка.

Конечно, прочитанный рассказ дал шестиклассникам определенную модель, в том числе и модель организации текста, однако школьники восприняли работу над сочинением и как возможность самовыражения. Именно поэтому сочинения-миниатюры, написанные шестиклассниками, дают основания для некоторых, пусть и весьма частных, наблюдений над речевым портретом 11-летних детей.

Из 34 работ, написанных в 1968 г., 15 работ не содержат ни одной ошибки (нужно подчеркнуть, что с классом работал очень хороший учитель-словесник). Во многих работах, содержащих ошибки, наблюдается нарушение норм пунктуации (что естественно, так как пунктуация в 6-м классе еще не изучалась), из орфографических ошибок чаще всего встречаются ошибки в слове *потому что* (*потому-что, потомучто*), отдельные ошибки в падежных окончаниях (*на улицы, с нашим соседом*), в правописании *не* с разными частями речи, встречаются пропуски букв. Большинство учащихся написали текст объемом в полторы-две страницы. Они умеют точно передать свою мысль,